

Модный Свѣтъ

Иллюстрированный журналъ для дамъ

Годовая цена 1-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 4 р. — и.
— — — — — съ доставкою . . . . . 5 . 50 .
Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 6 . — .

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выходитъ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстраціями
рисунками въ текстѣ, съ 12 ластами выкроекъ, 12 вышивками выкро-
екъ въ натуральную величину и
12 изъ 24 иллюстрированныхъ картинокъ парижской моды.
Обращеніе въ журналъ „Модный Свѣтъ“ принимается въ Конторѣ Редакціи
и вымѣстѣ платъ въ тѣло по 10 к. за строчку коммандитъ, или за к-во строкъ.

Годовая цена 2-го изданія:

Съ 24 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 5 р. — и.
— — — — — съ доставкою . . . . . 6 . 50 .
Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 7 . — .

СОДЕРЖАНИЕ: За троень и жизнь. Историческій романъ Гюльетты. (Продолженіе). — Царемъ въ пленникѣ. (Окончаніе). — Желанная любовь. Повесть. (Продолженіе). — Нѣчто о жизни и дѣятельности Фридриха Фребеля. (Продолженіе). — Фелетонъ. — Сѣсь. — Продолженіе описанія рисунковъ № 25. — Объясненія.

За троень и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГЮЛЬЕТТЫ.
(Продолженіе).

Сэръ Джонъ Пендерграсъ, послѣ краткаго разговора съ матерью, возвратился въ свою комнату. Арнольдъ зажегъ на каминѣ лампу, свѣтъ которой игралъ на блестящихъ доскахъ древнихъ рыцарей, висѣвшихъ около каминъ. «Вотъ вѣрные товарищи моихъ предковъ», промолвилъ сэръ Джонъ, дотрогиваясь до одного изъ панцирей. Носившіе это оружіе сражались въ честномъ, открытомъ бою. Тотъ, кому принадлежалъ этотъ щитъ, выдерживалъ продолжительный огонь въ битвѣ при Марстонъ-Моорѣ, противъ Кромвеля и никто изъ нихъ не прибѣгалъ къ заговорамъ; — да, не тѣ были времена. Теперь съ однимъ оружіемъ ничего не сдѣлаешь. Мы должны работать по нраву для нашихъ законныхъ государей и вотъ сегодня я принялъ у себя человека, котораго охраняю, какъ благороднаго противника. Мнѣ, конечно, нечего беспокоиться о чемъ нитю не угрожаетъ; я было опасался заговорщиковъ, но Георгъ убѣдиль ихъ въ моей преданности Якову, если придется обнѣмать мѣхъ за восстановление его власти. Здѣсь все спокойно — но я, въ качествѣ домохозяйки, которому доверился врагъ, долженъ обойти свой домъ. Онъ вѣдалъ плунъ, связку ключей и вышелъ изъ комнаты. Бѣдный сэръ мѣсяца, проходившій черезъ окна Кыльбурнхауса, озаарилъ скупыми свѣтлыми корридорами и лѣстницами, но имѣлъ достаточно для домохозяйки, знавшаго каждый уголокъ въ замкѣ. Около двери, ведущей въ комнату сэра Джона, висѣлъ образъ Св. Якова де Компостелла, передъ которымъ горѣла небольшая лампа. Сэръ Джонъ перекрестился, проходя мимо образа, и направился по корридолу въ другое крыло зданія. Вдругъ онъ остановился и прислушался. Ему послышалось на каменной лѣстницѣ чьи то шаги; онъ вскакивалъ — шаги смолкли. «Мнѣ поучительно», подумалъ сэръ Джонъ, имѣя онадѣло безпокойство. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ сильнѣйшему королю, но въ замѣчаніи отступилъ назадъ — въ глубинѣ корридора видѣлась чья-то фигура.

— Кто тамъ? прошепталъ сэръ Джонъ.
— Георгъ Портеръ, отвѣчалъ ночной послышитель; «я пришелъ требовать отъ васъ объясненія».
— Ради Бога, что вамъ угодно, Георгъ?
— Васъ ждутъ, сэръ Джонъ. Гдѣ же ваше слово? въ домъ контрабандиста собрались наши друзья, которымъ вы черезъ меня обнѣщали прити — нашимъ отсутствіемъ вы навлекаете на себя страшное подозрѣніе. Кто у васъ спитъ? и онъ указалъ на двери королевской спальни.
— Вильгельмъ, король Англіи, прошепталъ спокойно сэръ Джонъ.

— Вы открыли двери врагу вашей религіи, вашему королю? Мы знаемъ это — но я послышалъ сюда, чтобы увидѣть, правда-ли то, что мы слышали.
— Вамъ сказали правду. Я уже собирался въ Ромней-Мооръ, когда король приказалъ сказать, что желаетъ у меня остановиться. Я не могъ уйти отсюда, не возбудивъ подозрѣнія и не долженъ былъ отказывать ему въ почтѣ, чтобы не возбудить еще болѣе ненависти противъ яковитовъ. Благородная заставила меня поступить такимъ образомъ.

— Вы говорите правду, сэръ Джонъ.
— Самъ Богъ такъ устроилъ.
— Хорошо, я вѣрю вамъ — скорѣе насъ соединятъ родственная узы и я думаю о васъ только хорошее. Сэръ Джонъ Пендерграсъ, судьба, послала въ вашъ домъ Оранца, избрала васъ для вдовѣренія въ Англіи новой формы правленія; — но вы будете въ сторонѣ, — я одинъ все обработаю. Заговоръ долженъ кончиться прежде, чѣмъ приступитъ къ дѣлу заговорщикъ, если только мы откроемъ мѣй двери той комнатѣ.

Пендерграсъ мыслитъ о смертельномъ безпокойствѣ, коихъ онъ подблизился и онъ едва держался на ногахъ. «Чего — чего вы требуете?» простоналъ онъ.

— Откройте дверь и я разожму моимъ пистолетомъ голову Оранца.

— Несчастный — прочи! Онъ спитъ здѣсь, доверившись моей чести, безъ всякой охраны — безъ стражи. Я буду обезпеченъ, если упадетъ хоть одинъ волосъ съ его головы; никогда и не до-

пущу, чтобы сонъ его былъ потревоженъ. Входя ко мнѣ, онъ сказалъ: «Я хочу показатъ всѣмъ, что есть на свѣтѣ благородные противники и что я безъ всякаго страха буду ночевать у католика джентльмена. Онъ не долженъ обмануться въ своемъ доврѣніи и я свою жизнь буду защищать жизни короля».

Георгъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Вы измѣнникъ, сэръ Джонъ, прошепталъ онъ лязгальнымъ голосомъ. «Я приказываю вамъ, отъ имени заговорщиковъ, отпереть эту дверь».

Пендерграсу не трогался.

— Въ такомъ случаѣ, я употреблю силу. У меня два пистолета — вотъ этотъ для васъ — вѣдь король спитъ безъ стражи; когда вы будете расперты на полу, мнѣ ничего не будетъ стоить взять у васъ ключъ отъ кабинета съ бассейномъ; — у Оранца нѣтъ помощи подъ рукою, зова его никто не услышитъ и другимъ пистолетомъ я уничтожу врага Стюартовъ! — вѣтъ, ваше упрямство бесполезно, потому что не спасетъ короля. Дайте мнѣ ключъ.

Пендерграсу пришла въ голову внезапная мысль — онъ вспомнилъ, что дверь, ведущая къ комнатѣ съ ванной въ спальню короля, была заперта, когда онъ оставилъ Вильгельма. Такъ какъ Георгъ хотѣлъ проникнуть въ спальню именно черезъ эту комнату, то Пендерграсъ рѣшился впустить его туда и затѣмъ быстро запереть за нимъ дверь въ корридоръ и оставить такимъ образомъ распертымъ якобита между двумя запертыми дверями. Разсуждать болѣе было нѣкогда и онъ промолвилъ: «Пойдемте».

Шаги Георга не были такъ тверды, какъ прежде — не смотря на свою храбрость, онъ немного шатался; важность предстоявшей минуты сильно подбѣждала на него — Пендерграсъ былъ вѣковъ не меньше его; что, если вторая дверь не заперта, тогда король погибъ. Сэръ Джонъ вложилъ ключъ въ замокъ — Георгъ поднялъ пистолетъ. Изъ этого движенія Пендерграсъ понялъ, что заговорщикъ намѣренъ былъ стрѣлять, какъ только замѣтитъ спящаго короля. Ничего не видя и не слыша, Пендерграсъ отперъ дверь — глухой крикъ вырвался изъ его груди — вторая дверь была отперта; какъ разъ противъ нея стояла по-

стель, на которой, освѣщенный бѣднымъ свѣтомъ гаснущей лампы, покойно спалъ король. Голова его, по обыкновенію, держалась высоко на подушкахъ; въ правой рукѣ онъ держалъ мечъ, лежавшій частью на подушкѣ, частью на одеялѣ. Пондерграсс закрылъ глаза руками—онъ не могъ знать на помощь, грудь его сжималась. Георгъ, всмотрѣвшись хорошенько, снова подымалъ оружіе и готовился спустить курокъ; но онъ все дрожала, колѣни его подгибались, зубъ стучалъ другъ о друга и холодный потъ выступалъ на лбу; слышно было, какъ сильно стучало у него сердце. Пондерграсс закрывалъ глаза, но выстрѣлъ не послѣдовалъ—Георгъ опустилъ пистолетъ.

— Уйдемъ—уйдемъ, прошептала онъ, хватая сѣра Джона за руку. «Я потерялъ силу и бодрость». Король пошевельнулся и кашлянулъ. Пондерграсс не успѣлъ этого момента, онъ вытаскивалъ Георга въ коридоръ и не теряя времени на то, чтобы запереть за собою дверь, увелъ все еще дрожащаго Портера сплести возможно дальше отъ королевской спальни.

— Благодарение Богу, прошептала онъ,—Георгъ, вашу руку удержала небесная сила. Вы не должны быть убійцей оранна.

Георгъ между тѣмъ перевелъ духъ, бодрость опять къ нему возвратилась и онъ дико оглядываясь: «Нѣтъ, нѣтъ», сказалъ онъ, подымая оружіе, «я поддался минутной слабости; этотъ спящій человѣкъ былъ ужасенъ, я не могъ устоять спящаго—увы, я былъ малодушенъ; я держалъ въ рукахъ судьбу Англичан и Стюартовъ, но сдѣлался измѣнникомъ; я поведу и разбужу его, живой человѣкъ мнѣ не страшнѣе—пустите меня.» Георгъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но Пондерграсс преградилъ ему путь.

— Георгъ, умолялъ онъ: Георгъ, подумай о моей чести—я долженъ отвѣчать за моего гостя.»

Но Георгъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ Пондерграсса; его пистолетомъ шагнулъ—и онъ снова былъ въ двери... въ это время на дѣвственнѣ показались чужеземцы; въ рукѣ у него блеснулъ пистолетъ, направленный на Георга.

— Элла! вскричалъ заговорщикъ, остолбенецъ; онъ увелъ Эллу, взшедшую по дѣвственнѣ въ сѣняхъ.

— Генрихъ Гоббартъ! вскричалъ сѣръ Джонъ. «Я пропалъ».

— Прочь отсюда, спокойно прокричалъ Георгъ. И гвардеи короля и расцвѣтши въ его убійца.

Георгъ и Пондерграсс стояли безъ движенія. Они не ожидали, что дѣло приметъ такой оборотъ.

— Сѣръ Джонъ, сказалъ Генрихъ, запири дверь въ кабинетъ. Пондерграсс повиновался.

— Коварные друзья, проговорилъ Георгъ. «Даже дѣвушка, которую я люблю, и та противъ меня, измѣнила мнѣ».

— Георгъ, ты ошибаешься—я невинна, оправдывалась Элла.

— А—такъ это г-нъ Георгъ Портеръ, сказалъ Генрихъ. «И вы, сѣръ Джонъ, дѣйствуете за одно съ этимъ человѣкомъ. И вы измѣнили—даже боже: вы помогали убить того, кто, полагая на наше благорозіе, остановился у насъ въ домѣ. Это очень прискорбно». Генрихъ съ горечью покачалъ головою.

— Генрихъ Гоббартъ, сказалъ Пондерграсс, «я невиненъ. Я никогда не принуждалъ идти противъ беззащитнаго короля».

— Такъ значитъ, убійца вотъ этотъ человѣкъ, возмущавшій Эллу?—Вы не увидите отъ заслуженнаго наказанія. Теперь понятно, почему вы имѣете такое обширное знакомство; я сама разбужу короля, надо созвать гвардію.—Можетъ быть, здѣсь срывается заговоръ.—Я хочу...»

— Погоди, Генрихъ, умоляла Элла. «Ты погубишь насъ—ты уничтожишь отца Марію».

— Марію, простоналъ Гоббартъ.

— Я буду самый жалкій человѣкъ, если не извѣщу короля объ угрожающей ему опасности; но съ другой стороны, я долженъ молчать, чтобы не погубить насъ».

Пондерграссъ и Георгъ стояли съ сжатыми руками противъ гвардейца.

— Мы въ вашихъ рукахъ, милостивый государь, холодно промолвилъ Георгъ; однако, изъ этого коридора выйдетъ живой кто нибудь одинъ изъ насъ, потому что и у меня есть оружіе». Онъ опять подымалъ пистолетъ, но Элла загрохотала Генриха.

— Георгъ—стрѣль, если хочешь, сказала она; но твою пулю прозвизнетъ меня прежде, чѣмъ дойдетъ до Генриха.

— Эй! кто тамъ? что случилось? послышалось въ эту минуту изъ комнаты. Всѣ всагнули—король былъ разбуженъ—онъ услышалъ шумъ и справился съ постели.

— Шш—ради Бога, потише—если онъ увидитъ насъ, то мы погибемъ, проговорилъ Пондерграсс шепотомъ и поспѣшилъ въ кабинетъ. «Ваше Величество», сказалъ онъ, «тысячу разъ проку извѣнчивъ—я, для болѣею увѣренности въ вашей безопасности, обхожду домъ съ прислугомъ; и считалъ это необходимымъ, потому что...»

— Ха! ха! засмѣялся король. «Вы видите, что я нисколько не безпокоюсь. Зачѣмъ эти чужеземцы, идите спать, сѣръ Джонъ. Мнѣ очень покойно, не безпокойте обо мнѣ». Онъ опять погрунулся въ подушки.

Сѣръ Джонъ поспѣшилъ выйти изъ комнаты. Онъ нашолъ своихъ собесѣдниковъ на тѣхъ же мѣстахъ. Георгъ Портеръ понималъ, что онъ погибъ, если Генрихъ позоветъ короля.

— Генрихъ Гоббартъ, сказалъ сѣръ Джонъ, «что хотите вы дѣлать?»

— Сѣръ Георгъ, возразилъ Генрихъ, мы должны оставить Кальбурхауза, хотя-бы вѣстѣ со мною.

Элла вздрогнула. «Съ тобой?—Вы хотите драться?»

— Нѣтъ, Элла. Сѣръ Георгъ не осянётся поднять на меня руку, потому что, если даже онъ и останется побѣдителемъ, то увѣсь вамъ не мѣновать бѣды. Я хочу только увѣстѣ васъ удалиться отъ Кальбурхауза. По ту сторону Плайдена мы расстанемся.

Георгъ съ досадой пожалъ плечами. «Я долженъ сдѣлать то, что вы требуете», злобно проворчалъ онъ.

«Въ противномъ случаѣ, вы погибли-бы—пойдемте, милостивый государь». Онъ заткнулъ пистолетъ за поясъ.

— До свиданія, сѣръ Джонъ, прибавилъ онъ почти угрожающимъ голосомъ и сошелъ съ дѣвственнѣ. Генрихъ кинулся на прощанье головой и послѣдовалъ за Портеромъ.

— Иди въ свою комнату, Элла, мрачно промолвилъ сѣръ Джонъ. «Я останусь при королѣ до наступленія дня».

(Продолженіе будетъ.)

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Окончаніе).

XI.

Исторія незнакомки.

Какъ безумный стоялъ графъ Христіанъ, глядя на безчувственную жену. Опомившись, онъ принялся кричать и звать на помощь всѣхъ обитателей замка. На его крикъ сбѣжались прислуга. Суматоха поднялась страшная; одинъ несъ воду, другой укусъ, третій обмахивалъ лицо графини.

Уложивши жену въ постель, графъ, по приказанію тетушки Мирты, вышелъ изъ комнаты.

— Если Дина тебя увидитъ, ей снова сдѣлается худо, сказала она.

Графъ Христіанъ былъ сильно взволнованъ. Запершись въ своей комнатѣ, онъ захлѣбнулся слезами. Сильный, здоровый молодой человѣкъ, никогда не проронившій ни одной слезы, плакалъ какъ ребенокъ.

— Я ударилъ ее, такъ сама съ собой говорила онъ, и хотѣлъ убить ее, а она... О, Боже! послѣднаго ничего сдѣлать не удалось, а я чуть не убилъ ту, которая любила меня, которая въ былое время такъ вѣрно смотрѣла на меня и цѣловала меня!...

Мысли его путались.

Когда, позже, къ нему вошли въ комнату, то увидели его стоящимъ неподвижно у стола. На извѣстіе о пріѣхавшій въ замокъ незнакомой дамѣ изъ трактира, онъ отвѣтилъ только:

— Хорошо, помѣстите ее въ моихъ комнатахъ.

Онъ спросилъ о своей женѣ. Ему отвѣтили, что графинѣ лучше и что нездорово ей прошло.

Оставшись одинъ, онъ позвонилъ и приказалъ своему камердинеру спросить у самой графини Дины, можетъ ли она принять его черезъ чашу.

Когда камердинеръ вышелъ, онъ снова остался одинъ. Онезавомятъ онъ, казалось, забытъ. Молча сидѣлъ онъ на диванѣ, закрывъ глаза руками. Ему почему то вдругъ вспомнилась его маленькая покойная сестра. Онъ подумалъ, также, что вѣстѣ съ Диною должна была увѣстѣть отъ него послѣдняя чаша, истинная любовь; вспоминая все и снова заплакалъ.

— Какъ сильно, глубоко я буду любить ее! захочетъ ли она?

..

Черезъ часъ графиня Дина, бѣдная, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, по спокойной, сидѣла на кушеткѣ въ своей комнатѣ. Тетушка Мирта въ видѣ дракона стола подѣла нее. Въ комнату вошелъ графъ, ведя за руку красивую, въ черное платье дѣтвну, даму.

Даму покланялась Динѣ, которая хотѣла отвѣтить ей узыбой, но не могла. Графъ подошелъ къ женѣ, онъ какъ будто хотѣлъ вѣстѣ ее за руку, но не сдѣлалъ этого.

— Дина, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, позволь мнѣ представить тебѣ подругу моего дѣтства, графиню Ревъ Мортенсенъ; позволь мнѣ такъ рассказать тебѣ ее судьбу и причины, заставившія ее просить насъ принять въ ней участіе.

Дина ничего не проговорила, она только слабо улыбнулась. Движеніемъ руки графъ пригласилъ сѣсть графиню Мортенсенъ. Тетушка Мирта, впрямившись во весь ростъ, стояла у кушетки. Графъ, продолжая стоять передъ женой, началъ:

— Послушай, Дина, у меня была другъ дѣтства, графиня Фредъ Мортенсенъ. Мы вѣстѣ въ пѣхаліи ожаждали въ Берлинѣ. Тамъ онъ безумно влюбился въ одну оперную пѣвицу, которая была еще очень молода и очень хороша. Я съ ней подружился, онъ—влюбился. Зная, что отецъ ни за что не согласится на бракъ, Фредъ тайно съ ней обвѣнчался.

— Вѣстѣ похлѣмъ мы въ Парижъ, гдѣ, у меня, заключено былъ гражданскій бракъ. Я былъ свидетелемъ.

— Такъ какъ родители могли возмѣнить подозрѣніе, то свадебный контрактъ я оставилъ у себя на храненіе. Я обвѣдалъ всегда покровительство моимъ друзьямъ и до сихъ поръ охотно это исполняю. Я очень люблю моего друга и его жену. Нѣсколько времени жили онѣ дѣти, въ моемъ замкѣ, потомъ въ Швейцаріи. Маленькая Дина была ихъ первымъ ребенкомъ. До смерти стараго графа Мортенсена, все это хранилось въ тайнѣ. Узнавъ о кончинѣ отца, Фредъ похлѣмъ, со своей женой, въ столицу къ матери и представлялъ всѣмъ графиню, какъ свою жену. Можно себѣ представить, какую бурю они должны были испытать. Но Фредъ былъ уже главою дома и вскорѣ всѣ родственники стали благовоить къ молодой графинѣ и

заслуживая ее распознания. Даже старуха мать признала ее своею дочерью, хотя, посѣвъ первого свиданія, не хотѣла больше видѣться съ нею.

Мѣсяцъ назадъ Фреді умеръ. Старая невестка пропала. Графиня мать востала противъ невестки, утверждая, что Рея никогда не была законной женой ея сына. Рожденныя, конечно, пришли старухи; напрасно Рея убрала ихъ и показывала комья контракта. Ея отвѣчалъ, что если бы даже самый контрактъ былъ въ ея рукахъ, то она все таки осталась бы въ ихъ глазахъ нѣмой интриганкой. Посѣвъ одной бурной сцены, осенью вечеромъ, въ порывѣ отчаянія, графиня Реа, держа на рукахъ свою вторую дочь, вышла одна въ залку и пришла ко мнѣ просить помощи. Ей не столько нуженъ былъ контрактъ, сколько помощь друга, который могъ бы заступиться за нее. Вотъ вся исторія, Дина. Когда я рѣшился рассказать тебѣ ее, ты того не захотѣла. Я виноватъ передъ тобою, захотѣлъ ли ты простить меня. По крайней мѣрѣ, ты не въ правѣ считать меня нечестнымъ.

Онъ замолчалъ.

Выраженіе лица Дины совершенно измѣнилось! Она ни слова не сказала еще графинѣ Реѣ, которая могла сидѣть передъ нею. Вглянувъ на мужа, она проговорила только:

— Я ревновала тебя, потому что нашла у тебя столько писемъ съ именемъ «Реа», и думала...

— Ты прочтала ихъ?

— Нѣтъ, вначалѣ я боялась прочитать ихъ, потому они пропали и я ихъ не могла найти.

— Я нашла и сожгла ихъ! раздавалъ вдругъ голосъ, заставившій всѣхъ вздрогнуть. Тетушка Мирта грозно смотрѣла на племянника.

— Я сожгла ихъ, повторила она, грозно кивая головою, потому что они заключали въ себѣ мерзости. Не будь такъ глупа, Дина, и не позволяй дружить себя; мерзости заключали въ себѣ эти письма, мерзости!

Не глядя на тетку, графъ подошелъ къ женѣ и, взявъ ее руку, спросилъ:

— Какъ повѣрши ты, Дина?

Графиня Дина, не колеблясь ни минуты, обвила руками моего мужа и зарыдала на груди его.

..

Графиня Мортенсенъ, молча поклонившись, вышла изъ комнаты. Тетушка въ нѣмомъ изумленіи стояла посреди комнаты.

Графъ, все еще поддерживая жену, обратился къ старухѣ со словами:

— Тетушка, вы хотѣли схватить въ городъ; подайте теперь черезъ два часа, собравъ тамъ горюющихъ уложить ваши вещи. Экипажъ скоро будетъ готовъ.

Изъ груди старухи вырвались какіе-то хриплые звуки, которые не понялъ бы самъ Богъ, и она, взявъ себя отъ злости, толкнувъ ногою, вышла изъ комнаты. Подобно урангу легла она по корридоръ, гдѣ, встрѣтивъ ни въ чемъ не виновную Ялану, дала ей такую затрепачку, что несчастный, ступившись головою объ стѣну, безъ чувствъ упалъ на полъ.

ХП.

Плеведы вырваны.

Супруги остались вдвоемъ. Первая заговорила Дина:

— Мы оба виноваты, Бибі, сказала она голосомъ, заглушаемымъ слезами. Ты не поняла меня. Ты не знаешь, что существо, которое я люблю, было самымъ ребенкомъ. Я возненавидѣла тебя, я думала, что въ то время, когда Богъ посылалъ намъ счастье—ты находилъ свою прежнюю любовь. Теперь я тебѣ вѣрю.

Графъ и графиня Сарно проехали зиме въ городъ. Прежде всего графъ отдалъ всей прислу-

гѣ и заплатилъ долги Винаго, съ условіемъ, чтобы тотъ присоединился къ африканской экспедиціи.

— Я вырвалъ плеведы, сказалъ графъ женѣ. Я прощаю этимъ людямъ, потому что понимаю ихъ. Сегодня передъ уходомъ, они по одиночкѣ перебирали у меня и одинъ рассказывалъ про другого. Оказывается, что тетусишка Мирта хотѣла покусить насъ, чтобы въ городъ развѣжывать съ тобою гостямъ. Винаго желалъ вселиться со мной въ Парижъ. Мадемуазель Тереза не привидывала въ такихъ семействахъ, гдѣ мужъ и жена живутъ въ *лювианскомъ солисити*. Прислуга навиваетъ деньги только тамъ, гдѣ господо держатъ между собой и нуждаются въ ихъ услугахъ. Боже мой, завтра вырастутъ новыя плеведы и нѣтъ средства избавиться отъ нихъ.

Дина улыбнулась.

— Есть средство, проговорила она.

— Какое же, милая?

— *Допріе*.

Онъ коротко обмолвъ ее, какъ бы въ знакъ того, что это средство находится теперь въ ихъ рукахъ.

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Повесть Фрэнка фонъ-Ниммгенсдорфа.

(Продолженіе).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Федоръ Михайловичъ все еще продолжалъ хворать. Ему было хотя и лучше, но припадки возобновлялись при малѣйшемъ поводѣ. Капризамъ и требованіямъ конна не было.

Мнѣ возмущительно было видѣть, съ какими эгоизмомъ они злоупотребляли силами Викторины. Какъ она ни срывалась отъ меня, по нѣкоторымъ признакамъ показывали, что она работаетъ по ночамъ, чтобы быть въ состояніи выполнять днемъ всѣ его требованія. Соба она лишила многого, чтобы исполнить прихоти «большого чловека».

Ради Викторины, я ежедневно являлся въ горн. Она пользовалась моимъ присутствіемъ, чтобы отдохнуть и по большей части оставляла меня наединѣ съ Федоромъ Михайловичемъ.

Въ одно послѣ обѣда, я засталъ его лежащимъ на каменной скамьѣ. Маленькая шелковая подушка была у него подъ головою, на немъ былъ шелковый голубой халатъ, на ноги наброшена была турецкая шаль, а въ рукахъ онъ небрежно ковылялъ дорогой батынговъ платокъ.

Его красивое лицо глядело ниско.

Въ первый разъ поразила меня совершенная беззащитность его голоса.

— Какъ вы чувствуете себя сегодня? спросилъ я, пожимая небрежно протянутую мнѣ руку.

— Дурно и хуже не будетъ, пока я здѣсь. Этотъ горный воздухъ убиваетъ меня.

— Убиваетъ васъ развѣ ваша интеллигентность; вы черезъ-чуръ опускаетесь и вовсе не обнаруживаете той нравственной энергіи, которую человекъ можетъ противопоставить физическому недугу.

— Ужъ не хотите-ли вы вычитать меня нѣмцой метафизикой?

Онъ сердито привсталъ и это движеніе показало, что у него много силы.

— Нѣтъ, я не докторъ; только мнѣ кажется, что ваши безпрерывныя фантазіи и требованія вредятъ вамъ самымъ и мучительно отбываются на окружающихъ.

— А, вотъ въ чомъ дѣло! Вы думаете только о мадамъ Смирдиной!

— Невозможно равнодушно видѣть самопожертвованіе съ одной стороны и совершенное игнорированіе его съ другой.

— Ошибаетесь, я люблю Викторину.

И думать-же нѣкоторые люди, что ихъ ничтожная любовь способна вознаградить за все! Я угрожаю промолчать.

— Мнѣ поможетъ только югъ.

— Но вѣдь вы же на югѣ!

— Я на Альпахъ, а мнѣ нужно въ Средиземное море.

— А вы, конечно, принимаете въ соображеніе и денежные средства?

— Я знаю только, что здѣсь я погибну, а въ Ниццѣ и Каннѣ здоровье мое попортится. Викторина виновата въ моемъ несчастіи! Если бы она не являла меня отъ княгини III., я похотѣлъ-бы, куда мнѣ нужно!

Тутъ раздался звукъ упавшаго стакана и мы увидѣли Викторину. Она дрожала какъ листъ и ни кровинки не было въ ея лицѣ. Она несла Федору Михайловичу какое-то прохладяющее питье и усылаха его послѣдній слона.

— Вы пойдете къ Средиземному морю, проговорила она, совранившись съ духомъ.

Онъ съ смущеніемъ подождалъ ея ручки. Она взглянула на него съ безконечною любовью, какъ мать на ребенка, причинившаго ей жестоки страданія.

— Побудьте здѣсь до моего прихода!

Эти слова относились ко мнѣ. Викторина вышла.

— Что она такое замыслила? сказала Федоръ Михайловичъ.

— Оцениваю, новую жертву. Вы ее убьете.

— Ба, на свѣтъ только два истинныхъ несчастія—быть богатымъ и не имѣть денегъ.

Прошло нѣсколько часовъ, очень непріятныхъ для меня и наконецъ Викторина вернулась. Походка ея была легка, лицо ея радостно.

— Будете собираться въ путь, Федоръ Михайловичъ, нѣжно прошептала она, наклонясь къ нему.

— А на какія средства мы пойдѣмъ?

— Мы очень богаты!

— Мнѣ нуженъ лакей, хорошее помѣщеніе на людномъ мѣстѣ и экипажъ, чтобы каждый день быть на воздухѣ, не задыхаясь отъ усталости.

Радость исчезла съ устъ нехватить средствъ, пропавшая она беззвучно.

— На все это у васъ не хватитъ средствъ, пропавшая она беззвучно.

— Ну такъ и ничего не нужно! Но чему было возбудить несбыточные надежды!

— Въ ваши желанія должны быть исполнены, Федоръ Михайловичъ.

— Какимъ это образомъ?

— Мы — голосъ Викторины такъ дрогнулъ, что я почти не узналъ его—мы разстанемся. Вы пойдете въ Италию одинъ, а я постараюсь пустить въ ходъ все, чему меня учили, чтобы достать денегъ.

— Палачъ очень страшенъ и совершенно несбыточенъ; въ тому же, мнѣ вѣдь нуженъ уходъ и чье нибудь общество. Впрочемъ, мнѣ, кажется, пришла хорошая идея.

— Чтобы намъ не разлучиться?... — Разумается, ужъ я одинъ не поѣду!

Счастіе опятъ засѣлилось на поджиданныхъ чертахъ Викторины; она припала за любовь то, что было самой высшей степенью себялюбивости!

— Княгиня III. еще въ Меранѣ? спросила меня Федоръ Михайловичъ.

— Да!

— Убѣждаю отъ нея второпяхъ, я оставилъ многа, довольно цѣнная, вещи; еслибы потребовали ихъ обратно, дѣло было бы сложено.

— Федору Михайловичу необходимо ѣхать на югъ! бормотала Викторина, обращая ко мнѣ умоляющіе взгляды.

— Понимаю, что вамъ хочется дать мнѣ это непріятное порученіе и готовъ вѣзти за него въ преданности къ вамъ, сударыня; только у меня очень мало надежды на успѣхъ.

— Какъ? Неужели она откажется выдать вамъ собственность Фёдора Михайловича, въ особенности, когда отъ этого зависитъ его выздоровление? Неужели!

— Посмотримъ.

Фёдоръ Михайловичъ потребовалъ бумаги и карандашъ, чтобы переписать оставшіяся у книги вещи, но скоро утомился и продиктовалъ Викторинѣ данный списокъ.

Воскуривши этия документы, я отправился по неприятному поручению.

Книжка III. теперь цѣлые дни сидѣла съ закрытыми страницами; на нее, какъ видно, напала силѣнь. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я замѣтилъ янгиною, вставшую съ дивана въ очень намятомъ блѣзомъ капотѣ. Соборонча затвкала, а Варинча богомъ выпогола за двери.

— Какими судьбами вы здѣсь, Францъ Петровичъ? Видъ вы, кажется, совсѣмъ перешли на сторону неприятка?

— Пусть въ нашей бесѣдѣ будетъ изгнано всякое раздраженіе.

— Пожалуй; только мнѣ кажется, что ко мнѣ являются не иначе, какъ съ какими-нибудь планомъ.

— У меня просто за просто порученіе отъ Фёдора Михайловича взять оставшіяся имъ вещи.

— Къ сожалѣнію, не могу исполнить этого порученія, такъ какъ ужъ давно подарилъ садовнику тотъ каштанчикъ, въ которомъ онъ ко мнѣ явился.

Я молча протянулъ ей списокъ.

— Какъ это вы беретесь исполнять такія наглая порученія, Францъ Петровичъ! Или вамъ не вѣстно, что, входя въ нашъ домъ, этотъ нищій не имѣетъ даже порядочной одежды?

— Положимъ, что Фёдоръ Михайловичъ всѣмъ обязанъ великодушію князя и послѣдствіямъ вѣщанію; но вѣдь все-таки, вещи, которыя ему дарилъ, составляли теперь его собственности.

— Эти вещи давнѣе ему только на подержаніе.

— Перестаньте спорить; васъ раздражаетъ воспоминаніе о прошлыхъ неприятностяхъ. Дѣло въ томъ, что къ Фёдору Михайловичу возвращаея прежняя болѣзнь и онъ ожидаетъ спасенія только отъ побѣды къ Средиземному морю. Вещи, которыя вы задерживаете, дадутъ ему средства уѣхать.

— Что мнѣ за дѣло до его выздоровленія! Пусть себѣ пропадетъ!

Хотя я и предвидѣлъ все заранее, однако, подобный исходъ моего посольства очень меня опечалилъ; я задумчиво и угрюмо выходилъ изъ «почты».

Легкая ручка прикоснулась къ моему плечу.

— По вашему лицу я вижу, что дѣло произошло.

— Такъ вы пришли сюда за мною?

Викторина печально кивнула головой.

— Я вѣдь знала ее и не ожидала хорошаго.

— Придется Фёдору Михайловичу отказаться отъ своихъ плановъ.

— Нѣтъ, нужно исполнить его желаніе, а то болѣзнь усилится отъ неприятностей.

— Но какъ же вы его исполните?

— Проводите меня въ янгины.

— Не подвергайтесь напраснымъ оскорбленіямъ; такія женщины не уступаютъ.

— Пожалуйте, пойдите!

Викторина такъ рѣшительно пошла впередъ, что мнѣ оставалось только сдѣлать за нею.

Завидывая врага, янгины всколыхали какъ раненая птичка. — Идѣйтесь, что ли, вы пришли надо мною?

— Напротивъ, я пришла къ вамъ съ просьбой.

— Если рѣчь пойдетъ все о томъ же, то можете и не беспокоиться.

— Я прошу васъ, янгина.... взять къ себѣ Фёдора Михайловича.

Викторина почти упала на стѣну. Книжка нѣсколько минутъ галѣла на нее съ страшнымъ выраженіемъ, потомъ лаянательно захохотала:

— Что, вѣрно надобѣлъ ужъ?

— Когда вы въ первый разъ оторвали его отъ меня, такъ погубили мою молодость, а отнимая теперь, разбиваете всю мою жизнь!

Послѣдній слова съ трудомъ можно было разсмыслить. Викторина задыхалась, сдерживая рыданія, но онѣ все-таки вырвались съ неистовою силой.

— Сѣро-зеленые глаза янгины съ минуту унывали этимъ зрѣлищемъ; потомъ она холодно отбѣжала.

— Завтра я уѣзжаю; если Фёдоръ Михайловичъ успеетъ во время прійти сюда, то можете тоже ѣхать.

Хозяйка повернула намъ спину — аудіенція была кончена.

Я съ трудомъ могъ увести Викторину. Какое-то остолебіе нашло на нее послѣ страстнаго порыва.

— Небродно, чтобы Фёдоръ Михайловичъ добровольно промѣнилъ васъ на эту янгино!

— Онъ это сдѣлаетъ!

— И вы, зная до такой степени характеръ этого человѣка, все-таки его любите?

— Развѣ есть мѣра, правила и законы для любви?

(Продолженіе будетъ).

Нѣчто о жизни и дѣятельности

Фридриха Фребеля.

(Продолженіе).

Тогда, наконецъ, отецъ и сынъ вступили въ дружескія отношенія. Фридрихъ помогалъ старикъ въ его дѣлахъ и его заботливое, любящее, сильное обращеніе, а также и начинавшіяся выдаваться познанія, заслужили ему уваженіе, любовь и благословеніе отца, который умеръ въ февралѣ 1802 г. — Послѣ его смерти, Фридрихъ, 20 лѣтъ отъ роду, долженъ былъ одинъ заботиться о средствахъ къ жизни.

Онъ скоро рѣшился отправиться, въ качествѣ кандидата на дѣшечной, въ окрестности Бамберга, гдѣ оставался годъ въ прекрасной романтической мѣстности, имѣя работу по вкусу и получая обществомъ образованныхъ людей; но въ 1803 г. онъ долженъ былъ перѣѣхать въ самый Бамбергъ, чтобы получить мѣсто землемѣра. Замѣтивъ, однако, что ему здѣсь, какъ иностранцу, очень трудно будетъ найти выгодное и прочное занятіе, онъ сталъ искать другого мѣста и скорѣй поступилъ въ частные секретари при президентѣ фонъ-Девницъ, въ Мекленбургъ-Стрѣлици.

Но судьба, какъ будто, не хотѣла дать ему усвоеніе, покуда онъ не попадетъ на свое истинное назначеніе; такъ, едва онъ успѣлъ прослужить годъ, какъ въ 1805 г. получивъ извѣстіе о смерти своего друга и покровителя, суперинтендента Гофмана. Достигшемъ по духовному завѣщанію этого друга насѣдство, дало Фребелю возможность съ болѣею независимостью выбрать себѣ дорогу. Итакъ, онъ оставилъ г. фонъ-Девницъ, чтобы поѣхать посѣтовать съ старшимъ своимъ братомъ, священникомъ Кристофомъ. Тотъ очень радушно принялъ его и поощрилъ посылать себя строительному искусству. Характеръ Кристофа выражается въ словахъ, написанныхъ имъ брату на прощанье въ памятную книжку: «Жребій человѣка есть борьба для достиженія цѣли! Поступай мужественно и рѣшительно, борись со всѣми встрѣчающимися препятствіями и будь увѣренъ, что достигнешь своей

цѣли». Не задолго до Иванава дня, отправивъ Фребеля во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ одинъ пріятель обещалъ помочь ему устроиться. Фребель тамъ представилъ свои аттестаты на получение мѣста архитектора.

Между тѣмъ пріятель познакомилъ его съ семействомъ старшаго учителя Грубера, желавшаго основать большое учебное заведеніе. Тутъ встрѣтился онъ со многими учителями, которымъ высказалъ свои взгляды на воспитаніе и преподаваніе. Груберъ слушалъ его охладно, со вниманіемъ и благосклонностію, и вдругъ, удививъ и пласъ, сказалъ: «Фребель, вы рождены воспитателемъ и учителемъ! Если хотите вымолвить свое назначеніе, я вамъ предлагаю мѣсто въ моемъ училищѣ». Фребель съ козобаси. Но часто нѣшнія обстоятельство вліяютъ на нашу судьбу; такъ, поучивъ черезъ нѣе извѣстіе, что всѣ его попытки опредѣлится архитекторомъ не удались, онъ долженъ былъ принять предложеніе Грубера и сдѣлался учителемъ въ его заведеніи. Фребель сильно увлекся своими новыми знаніемъ. Въ школѣ Грубера былъ принятъ способъ преподаванія и воспитанія по образцу Песталоцци, что пробудило въ молодомъ учителѣ желаніе познакомиться съ самимъ авторомъ. Вѣдѣніе этого, Фребель не усомнился, покуда не отправился въ Иверденъ, гдѣ Песталоцци былъ въ то время занять устройствомъ своего заведенія для учителей и воспитанниковъ. Фребель не могъ посвятить пребыванію у Песталоцци, въ первый разъ, боже духъ вѣдай, но для него этого было достаточно, чтобы очинить его достоинства и преимуществъ его возарній на преподаваніе. Обогатившись новыми познаніями, онъ вернулся къ Груберу, въ школѣ котораго давалъ уроки арифметики, рисанія, географіи и нѣмецкаго языка, частью въ классахъ дѣвчоныхъ, а частью въ классахъ мальчиныхъ. Его удовлетвореніе этой новой дѣятельностію выражается въ словахъ, написанныхъ имъ къ брату: «Я чувствую, что и здѣсь такъ-же въ своей стихіи, какъ птица въ воздухѣ, или рыба въ водѣ!»

Тогда-же былъ онъ представленъ въ домъ тоснодина фонъ-Гольмхаузена, который предлагалъ ему мѣсто частнаго учителя при своихъ двухъ сыновьяхъ.

Такимъ образомъ, онъ сложилъ со своими обязанностями учителя и наставника до 1807 г., когда онъ уступилъ просьбамъ г. фонъ-Гольмхаузена оставить мѣсто при заведеніи и началъ самостоятельно воспитывать его мальчиновъ. Фребель выговорилъ при этомъ условіе, чтобы ему позволили жить въ деревнѣ одному со своими воспитанниками. Ему это охотно разрѣшили и двадцати-лѣтній менторъ поѣхалъ съ двумя мальчиками въ нѣвые ихъ отца. Здѣсь онъ такъ-же неуспѣшно работалъ надъ воспитаніемъ мальчиновъ, какъ и надъ своими собственнымъ. Исходной мыслью его было всегда имѣть въ виду чисто человѣческую сторону ребенка и преподаваніе наукъ вести рядомъ съ поэтическими гласными упражненіями и практическими занятіями. Примѣромъ собственнаго дѣтства, онъ былъ наученъ въ самостоятельности и живомъ сношеніи съ природою искать средства для всесторонняго развитія дѣтскихъ способностей. Тутъ-же положилъ онъ основаніе играмъ для своихъ будущихъ дѣтскихъ садовъ, изобрѣлъ новыя архитектурныя игры и послѣдовательныя упражненія въ складываніи бумаги, вырѣзываніи картонъ и плетеніи работъ. Мальчики охотно въ этомъ упражнялись; онъ съ ними тоже съ удовольствіемъ занимался садами и изучалъ ботанику.

Но добросовѣстный молодой человѣкъ, чувствуя еще нѣкоторые недостатки въ своей методѣ, уговорилъ родителей своихъ воспитанниковъ отпустить ихъ съ нимъ на время въ Песталоцци въ Иверденъ. Онъ съ мальчиками отправился туда августъ 1808 г., и тамъ, какъ учитель въ школѣ, какъ воспитатель своихъ питомцевъ и какъ

ученикъ Песталоцци, принимавъ участіе въ его занятияхъ. Хотя онъ чувствовалъ, какъ сознался о томъ самому Песталоцци, что новымъ заведеніемъ его недоставало внутреннего единства и строгой послѣдовательности, но его нервенское пребываніе до 1810 г. все-таки было ему полезно для всей его жизни. Онъ доказалъ свою благодарность за это гѣмъ, что сообщилъ принцессѣ Рудольфшадтской, на ея распросъ, самые ясные отзывы о заведеніяхъ Песталоцци.

Черезъ Беръ, Шафгаузенъ, Штутгартъ, Фребель возвратился со своимъ воспитанникомъ во Франкфуртъ. — Еще тогда оставался онъ воспитателемъ въ семействѣ Гольцхаузенъ, посѣвъ же показавъ еще разъ побывать въ университетѣ, въ особенности для того, чтобы продолжать изученіе естественныхъ наукъ и нѣмецкаго языка. Онъ побѣжалъ въ 1811 г. въ Геттингенъ, однако, черезъ годъ переселился въ Берлинъ. Здѣсь онъ оставался въ качествѣ горячаго послѣдователя Фихте и, давая уроки въ Паламашовъ школъ, зарабатывая себѣ средства на продолженіе своихъ занятій.

Возвращеніе въ свободѣ 1813 года намъ Фридриху Фребелю готовили въ войнѣ. Но не любя въ отечеству, какъ онъ самъ сознался, побуждая его присоединиться къ Люпову, а добросовѣстность воспитателя, который долженъ былъ сгорѣть отъ стыда передъ учениками, еслибы, въ минуту опасности, трусовато отсталъ отъ друтъхъ.

Между военными товарищами, онъ узналъ двухъ людей, одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, которые, раздѣляя его стремленія, навсегда прикинулись къ нему съ рѣдкой дружбой и преданностью. Это были Лаптегалъ и Мидендорфъ.

Фребелю не представили случая отличиться героическими подвигами, однако, его современники съ похвалою отзывались объ его мужествѣ и неустрашимости. Кромѣ того, всеобщее возстаніе 1813 г. направило его умъ преимущественно на все національное, и съ той поры онъ исключительно посвятилъ себя интересамъ нѣмецкаго народа.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Дѣйствіе лѣта на мои нервы. — Видѣть петербургскихъ домовъ во время лѣта! — Путешественіе на хребтѣ Рабы-Яги на Васильевскій островъ. — Картины въ магазинѣ Дациаро и Бегрова. — Удобство холмовъ по Невскому проспекту. — Ночные ловеласы Невского проспекта; женская расправа съ однимъ изъ нихъ; казнь другого и заключеніе въ тюрьмѣ третьяго.

Многу вѣсело овладѣваетъ какал-то тоска съ наступленіемъ лѣта; тоска неопредѣленная, порождающая неопредѣленные желанія. Но нѣтъ хочется совершить полетъ на воздушномъ шарѣ, и съ высоты взглянуть на эту землю, на эту юдоль плача и скорби; но, напротивъ, мнѣ хочется опуститься въ нѣдра земли и испытать ощущенія рукопокоень. Въ вода мѣа манитъ, и хотѣлось бы опуститься на дно, только не Екатерининскаго канала или Фонтанки, а океана. Нерѣдко я съ какою то завистью гляжу на толпы пассажировъ, суетливо бѣгающихъ на дебаркадеръ пароходныхъ пристаней и станцій жѣлезныхъ дорогъ, съ сакоянами, мѣлочками, пледами, надѣтыми черезъ плечо кожаными мѣшками и т. п. дорожными предметами. Въ онъ, думаю мнѣ при этомъ, оставляютъ Петербургъ, одинъ на предѣ, другіе — навсегда. Счастливы! Въ особенности тѣ, которые оставляютъ его навсегда. А они, показавъ, совсѣмъ другое думаютъ. Они думаютъ, глядя на нихъ, остающихся на дебаркадеръ, въ это время, когда третій звонокъ возвѣщаетъ груст-

ную разлуку: «какъ счастливы онъ, идѣе остана- ся!» Великій спроситъ этихъ господъ, почему они такъ думаютъ, то, конечно, изъ объясненія ихъ въ убѣжденія бы, что они правы, равно какъ изъ моихъ объясненій въ тоже увидятъ, что и я имѣю основаніе заглядывать выходящимъ изъ Петербурга. Если они ѣдутъ не въ Архангельскъ только или Сибирь, а въ другія мѣста Россіи или за границу, то какъ не заглядывать имъ! Въдъ во всякой другой странѣ они увидятъ гнѣвное солнце, поля, покрытыя зеленью, деревья въ листьяхъ и цвѣту; услышатъ, чего добраго, пѣніе соловья и другихъ птичекъ. А я, остающійся въ Петербургѣ, да еще въ самомъ городѣ, что увижу я, что услышу я? Подниму ли свой взоръ къ небу и увижу тамъ не небо, не ту синеву, которая улакаетъ мыслъ нашу въ даль, въ безпредѣльность; а какую то грязную, повисшую надъ самой головою, массу, которая подавляетъ всякую мысль, услышатъ всякую дѣятельность моего. Одна зѣвота разбавитъ при видѣ этой картины и ко сну склонитъ и все кажется, что я не выснулся, хотя бы и проспалъ цѣлыя сутки. Загланивъ въ зѣвоту — зѣвота усиливается: дома, еще недавно смотрѣвшіе дворянами, теперь глядятъ какими то острогами, съ тою разницею, что остроги обнесены частоконьями, а петербургскіе дома обнесены на лѣто досчатими заборомъ, не мало затрудняющимъ и безъ того трудный путь пѣшихъ. Но вотъ кончился заборъ, впереди новаго не видно, путь свободенъ, не придется, по крайней мѣрѣ, человеку, страдающему мозолями и обладающему непомерными каблуками, прыгать по булыжникамъ незатѣйливой мостовой. Вы ускорите шагъ, хотите вознаградить потерянное при обходѣ заборовъ время, но, внезапно, не только останавливаетесь, но въ нѣкоторомъ испугѣ дѣлаете шагъ назадъ: изъ подъ ногъ вашихъ, какъ изъ могилы, высомысаются человѣческая фигура, вооруженная домомъ; вы всматриваетесь и тогда только замѣчаете, что путь вашъ вовсе не прегражденъ прыткими поперекъ тротуара рожь, изъ котораго вырываются рабочіе. Нечего дѣлать: приходится еще попрыгать по булыжнику, но ужъ истины, вы прыгаете на другую сторону улицы; тамъ, свѣрхъ... Кстаті, посѣвъ вашихъ прыжковъ, вы въ немъ отдохнете и подышите запахомъ свѣжее зелени. Зелень, впрочемъ, не подается, еще очень рано, иль мѣсяць только въ началѣ. Зато запахъ сильно угодно... но запахъ этотъ приходится въ повальное движеніе и вы чихаете; отчего же? Оттого, что вонъ тамъ, не вдалекѣ, по срединѣ улицы, копаютъ и ведрами зають на улицу дощичку изъ нѣдръ петербургской почвы черную, смрадную грязь. Вы затряхаете носъ въ надеждѣ, что подуетъ вѣтеръ и отнесетъ нестерпимую вонь въ другую сторону. За вѣтромъ дѣло не стало, онъ подулъ, но чѣдъ васъ достаетъ запахъ соловьиной пѣсни; вы останавливаете шагъ послъ на промѣлѣхъ судьбы, чихаете еще разъ, другой, третій и послѣднее настаете ваше ухо для мелодическихъ звуковъ; но нѣлая ваша расклина: это не трель соловья, а просто оглушающая трескотня колокола *бабы* Нян, которая прокатилась мимо васъ, звени колоками по рельсамъ, какъ будто по снѣгу въ трескучій морозъ. Если какъ и не надобно сидѣть въ свѣрхъ и дышать вредными мѣамами, то и положительно не могу въ немъ оставаться: мною овладѣла страсть къ путешествію. Въ сердцѣ моемъ вскинула зависть даже къ путешественникамъ, сидящимъ на хребтѣ *бабы* Нян. И ихъ — подумай я — перевезетъ *баба* на въ лучшихъ странахъ: на Васильевскій островъ, на берега Невы. Нѣтъ, терпѣлю моему конецъ! Прощай, Невскій проспектъ, ѣду и я на Васильевскій островъ! И не давъ себѣ времени подумать, я пукаюсь за агой, догоняю ее, кондукторъ схватываетъ меня на лету: но объявляетъ, что внутри нѣтъ мѣста: «на верхъ покажите». Заглянувъ на верхъ, оттуда взоръ мой перевезъ на мостовую: что-жъ, на кораблѣхъ

набираются на мачты и не всегда ломаютъ шенъ; стыдно трусить; въ тому-жъ, такія трудности преодолавать путешественники! Съ этою мысляю я храбро поставилъ ногу на первую ступеньку, занесъ другую на вторую, еще взявъ ноги и вотъ я въ числѣ верхнихъ пассажировъ. Приятное чувство овладѣло мною. За три копейки такъ высоко поднялся, и все это путешествіе динется уже внизу, подо мною. Я вспоминаю о колесникахъ, на которыхъ рисіея триумфаторы вълазили въ городъ; если мнѣ теперь приятно, то каково же было тогда было? Впрочемъ, къ чести моему, и нынѣшнѣ не заглядываю рисмскому триумфатору: вокругъ его колесницы несли на коныхъ, въ нѣдѣ трофеевъ, головы предводителей непріятельской арміи; по мнѣ нѣтъ провожающихъ инстинктовъ и я гнушаюсь такими трофеями. Мнѣ же триумфатору легко мѣо позавидовать и вотъ почему. Онъ вълазалъ, имѣя на головѣ одинъ только лавровый вѣнокъ; а что, если онъ былъ пѣшій, или, во всякомъ случаѣ, еще шестіе его происходило изъ солнечный день, и въ какой странѣ! въ Итали! Не правда-ли, ему желательнее было бы имѣть на головѣ мою кругую шляпу? Чтось, и очень мило: римскій триумфаторъ въ шляпѣ Чуркина! Но, какъ ни шути, а нужно при этомъ соизнаться, что и на триумфаторской колесницѣ встрѣчались такія неудобства, какихъ не испытаешь на хребтѣ *бабы* Нян.

Колесница моя остановилась и я, въ примѣру моихъ спутниковъ, сталъ спускаться по ступенькамъ, только не тѣмъ, какъ обыкновенно сходятъ по лѣстницѣ люди, а какъ это дѣлають рани. Адмиралтѣская площадь. Здѣсь, продолжая путь свой на Васильевскій островъ, пересекаюся съ въ другой вагонъ, который и доводитъ ихъ до береговъ Невы. Вагона, однакожъ, еще не было, пришлось ожидать. Чтобы наполнить минуты ожиданія, я подошелъ къ грунѣ, тѣснѣншейся у оконъ угольнаго дома, въ которыхъ выставлены картины. Это магазинъ Дациаро. Видѣть картина Сверткова: русская степь; въ степи вѣдетъ вершокъ наекъ. А вотъ и другая его работы: охотникъ въ вершокъ, а за нимъ выстуаетъ толпа алгавыхъ собакъ. Вотъ и третья: зима, мѣсяцъ и то замѣтенной дорожъ сѣе переидаетъ ноги тройки жалкихъ, на мученичѣхъ лошадей, съ необыкновенными усиленіями вытаскивающихъ изъ снѣжныхъ сугробовъ крытыя, поздравляющихъ сани. Въ нихъ сидятъ загнанные лица; въ глазахъ ихъ читается страданіе. Бѣдный возница барабасаетъ рядомъ съ лошадками пѣшкомъ, на которыхъ онъ жалостно поспрашиваетъ. Чуждая картина! Натура, одна натура и только! Рядомъ съ ними другой жанръ картинъ. Мученичѣхъ христіанства. Одна, необыкновенно стройная, античной красоты женщина, распята на крестѣ. Ея длинной, черной косою головою ея припрѣлѣна къ кресту и потому она откинута назадъ и предидетъ всей фигурѣ мученичѣхъ необыкновенно гордый видъ, хотя въ лицѣ, въ ея закрытыхъ глазахъ видны невыразимыя страданія. На другой картинѣ вы видите несоблюдяющую водную даль. По совершенно тихой поверхности воды льнаветъ трупъ утопленника. Но лицо ея не выражаетъ страданій. Напротивъ, полное, какое то земное спокойствіе реально въ чертахъ ея. Она, какъ будто, поругана въ славій, жинительный снѣгъ. Вода какъ будто не касается ея одеждъ, она не нарушила ихъ гармоніаго порядка. Ея обаянная ноги, ея руки бѣгастъ въ водѣ какими то бѣлыми свѣтлою. Вокругъ утопленника вода необыкновенно прозрачна. Надъ самой головою, въ воздухѣ, видно сіяющее кольцо: это мученичѣхъ свѣтъ. Предъ нимъ-то стихаи воды и царство живущихъ въ нихъ съ трепетомъ удалено на дно морское. Разданы звуки вагонаго колокола. Я оставилъ магазинъ Дациаро и побѣжалъ въ догонку за вторымъ вагономъ, не выспѣвшимъ на задней платформѣ флага бѣлаго солдѣрмена. Вспомини, однакожъ, что путь мой лежитъ совершенно въ

противоположную сторону, я перешел на реалсы Васильевского острова, но къ не малой моей досадѣ увидѣть, что я опоздалъ: поѣздъ уже приближался къ Исаакиевскому собору и догнать его было невозможно. Эта неудача заставила меня изменить мой маршрутъ, и рѣшившись въ качествѣ туриста, пройти въѣздомъ по Невскому проспекту отъ Адмиралтейской площади до Знаменской улицы.

Я перешел на солнечную сторону. Сказалъ я это какъ потому, что она хотя и нѣсколько освѣщается лучами солнца, такъ и потому, что разноразличіе предметовъ торговли, выставленныхъ въ окнахъ магазиновъ и немалое обращающагося вниманія, а равно и разнообразіе лицъ, ежеминутно толкающихъ насъ то въ правый, то въ лѣвый бокъ—значительно сокращаютъ длину этого главнаго тракта нашей столицы. Если бы кому либо показалось непонятнымъ, почему я полагаю, что при этихъ условіяхъ сокращается путь, то я доглаголю счисто доказать мое предположеніе. Согласитесь, что если вамъ дадутъ хороший толчокъ въ бокъ, то вы или повернетесь, если напавшей вамъ ударъ пройдетъ мимо; повернетесь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы преодолѣть столь незначительно отстоящую къ нашей лѣвой сторонѣ господина, а такъ, чтобы посмотреть, каковы онъ; какъ онъ сурово нагнетаетъ вѣскъ господину, напавшему ударъ, обогнавъ васъ. Въ обоихъ случаяхъ, подъ влияніемъ чувства досады, вы совершенно забываете, что дѣлаете, и такимъ образомъ дѣлаете безознательно нѣсколько шаговъ. А такъ какъ эти толчки сопровождаютъ насъ на всемъ пространствѣ до Англическа моста, то этотъ путь въ совершенствѣ, такъ сказать, безознательно, за Англическимъ мостомъ не переходитъ въ высокопочтенная публика и потому на всемъ пространствѣ по ту сторону моста вынуждены бѣжать отдыхать, а если приходить ноги наши начинаютъ напоминать о пройденномъ или пространствѣ, то вы удивляетесь, какъ, такъ какъ пространства этого вы вовсе не замѣтили. Вы чувствовали толчки, вы видѣли лицъ, вы останавливались у магазиновъ, но вы и забыли даже о существованіи ногъ вашихъ.

Я любитель картинъ и потому позволю мнѣ остановиться у магазина Беттгера. Картины, изображающія катанье на велосипедахъ. Дѣла и мужчины бѣгутъ рядкомъ. Велосипедъ ихъ принимаетъ наклонное другъ къ другу положеніе, чрезъ это обматываютъ головы катающихся, обматываютъ ихъ уста, а въ это время ихъ за угада, на поворотъ, показывается фигура пожелавшаго джентльмена, догоняющаго, тоже на велосипедахъ, умчавшущаго впередъ молодую пару. Старый сюжетъ изъ библейскаго моря, въ новой лихъ обстановкѣ: дѣйствіе происходитъ на велосипедахъ. Я полагаю, что такого рода катанья въ особенности предпологаютъ человека въ любви, въ похотьхъ. Но вотъ сюжетъ картины совершенно новый, хотя и заимствованный изъ современной жизни, но по дикости и безобразію факта достойный того періода, когда человекъ дѣлалъ толстые перевороты по пути своего развитія. Я говорю о фотографическомъ снимкѣ, съ картины нашего художника М. Зичи, недавно оконченной имъ загранично. На правой сторонѣ картины представлено торжественное шествіе палача. Онъ несутъ на носилкахъ. Онъ сидитъ въ креслахъ, имѣющихъ видъ великолѣпнаго трона. Его окружаетъ сонмъ католическихъ прелатовъ и священниковъ и иезуитовъ. На головѣ у него тиара; ошейникъ его сияетъ золотомъ и чрезвычайною пышностью; въ правой рукѣ онъ держитъ высоко поднятую булаву, а лѣвой—опущенной къ низу, онъ несетъ громъ прокатывающійся толпу, которая въ ужасѣ, поглядывая на него, бѣжитъ во всѣ стороны, какъ бы желая спастись отъ угрожающей ей гибельно опасности. Личо наместника Христа искажено злобой, отчаяніемъ, глаза его свергаютъ наубиравшихъ поступленіемъ, но въ это время въ нихъ отражается и безсильная злоба. Съ лѣвой стороны картины представлено

другая группа людей; ее составляютъ, какъ видно по костюмамъ и по типу расъ: нѣмцы, русскіе, греки, армяне, турки, евреи и др. народы. Между ними и палой стороны Спасителя въ блудномъ одѣянн, съ выраженіемъ протестности и всеобщей любовью во вѣр. Онъ лѣвой рукой, поднятой къверху, защищаетъ отъ папскихъ громовъ, а правой держитъ простерта къ нему руки разноразличныхъ народовъ. Лица представителей этихъ народностей выражаютъ доброту, спокойствіе и сдержанную радость. Воображаю, сколько папскихъ громовыхъ стрѣлъ пушено въ голову Зичи. Въ счастіе, времена наивѣнныя и стрѣмъ нѣмцынъ Гальдебрандовъ столько же опасны, какъ пушки, несущіяся въ воздухѣ по вѣтвѣ вѣтра.

Дѣла дѣла. Но стоитъ ли идти далѣе? Невскій потерялъ свой обыкновенный характеръ. Онъ до того пустъ, что не предстѣтъ ни одного толчка въ бокъ, а потому и кажется немаломъ длиннымъ. Куда дѣвалось все то общество, при видѣ котораго приходилось сознавать все свое ничтожество? На кого ни нагнѣшны было—у одного голова бобровъ, у иного бобровъ, у третьяго измѣннаго бобра, а бараньимъ головамъ и счету не было. А важность то какая въ лицахъ! На кого ни посмотрѣшь—всѣ министры. По этому хотѣ и почувствую иной разъ ужъ слишкомъ сильнымъ толчокъ, но подумается: ничего, вѣдь это, пожалуй, министръ толкнулъ. Въ томъ-жѣ, при случаѣ, можно будетъ сказать: «я сегодня столкнулся на Невскомъ проспектѣ съ министромъ». Теперь Невскій совсѣмъ иной: бѣгутъ по немъ какія то озабоченныя всхлудившія лица, толпятся какъ будто на пожаръ; должно быть, чиновники, да приказники. И дамскія лица все какія то таинственныя, загадочныя: одѣ обертуты двойными вуалями и сверху это прикрыты зонтиками, другія—хотя и открыты, но такія, что удивляешься, почему онѣ не прикрылись. Итъ, скука нестерпимая на Невскомъ проспектѣ, и я не иду далѣе.

За то, говорить, онъ очень оживляется ночью и не рѣдко служитъ мѣстомъ для такихъ сценъ, которыя привлекаютъ толпы любопытныхъ и среди ночной тишины слышны бываютъ громкія рукоплесканія, крики bravo! bis! свисты и прочіе атрибуты представлений. Такъ, въ ночь съ 16 на 17 мая прогуливаясь публика по Невскому проспекту собралась на угау Караванной, на весьма курьезное представление. Лича трагикомедіи. Дѣйствующія лицами были дѣла дѣла, какъ гласитъ преданіе, причиною одѣтыя, и мужичина, тоже причиною одѣты и съ довольно благообразной худой физиономіей. Конечъ объясняетъ начало дѣйствія, по возразъ зрителей представлялъ вѣтъ какія патетическая сцена. Дѣла дѣла усерднѣвшимъ образомъ уларали зонтиками по пухлымъ ланитамъ причиною одѣтаго господина. Замалчивали дѣла была велика; онъ до того усердствовалъ въ нанесеніи ударовъ, что зонтики ихъ представляли одѣ обматывающіе лужими и обматывающіе ручекъ. Пухлымъ дѣйствіемъ былъ неподражаемъ въ роли несчастной жертвы. Онъ стоекче выдерживалъ удары и выражалъ свои страданія зловѣщимъ морганіемъ и необыкновенной краснотой щекъ пухлыхъ щекъ. Въ публикѣ раздалась возгласъ: bravo! bis! Приходъ полнѣе положить конецъ представленію и дать возможность хроникеру узнать заглаву драмы. Она проста, а развѣла довольно поучительна. Господинъ ахъ jones potelcъ, встрѣтивъ духъ дѣла, предложилъ свои услуги проводить ихъ до дому; онъ отказался отъ предложенія; онъ сталъ настаивать; поавалилъ себя еще какія то предложенія; онъ оскорбился; онъ сталъ подучивать; онъ потерялъ терпѣніе; нанесъ имъ первые удары; онъ потерялъ присутствіе духа; онъ возмущивался, и пошла экакуция. Правда, но дешево она обошлась дамамъ: имъ придется покупать новые зонтики; но значительно дороже (если онъ дорожилъ своими щекми) обошлась она исцелению приключеній. Новыхъ щекъ не купили ни за какія деньги.

ги, а остаются съ старыми битыми какъ-то неудобно.

Много было преподано весьма поучительныхъ уроковъ этимъ господамъ предавателямъ услугъ, но, какъ видно, оно мало или почти не замѣтно. Между прочимъ, мнѣ приходится на память давнишній, но весьма печальный случай, поистинѣ одного изъ парити учившихъ прислушивающихся. Дѣла было тоже на Невскомъ, тоже ночью и тоже близъ Караванной, какъ будто это пунктъ есть притомъ этихъ кавалеровъ. Къ весьма скромно прохаживавшійся, помошотъ господинъ и назойливо навязывавшій ей свое предложеніе. Она ускоряла шагъ, просила его отстать отъ нея, плакала, наконецъ; но господинъ былъ неумолимъ. Въ это время проходилъ мимо другой господинъ, который, увидѣвъ даму всю въ слезахъ, и тотчасъ узнавъ, въ чьей дѣло, принявъ даму подъ свою защиту и потребовавъ, чтобы ей представителю немедленно удалась. Защитникъ дамы былъ высокаго роста и, какъ полагали послѣдствія, очень сильнаго; противникъ, напротивъ, былъ маленькаго, худощавый человекъ, но съ сильнымъ задоромъ. На требованіе высокаго господина, онъ отыгивалъ какую-то дерзость, а высокій господинъ отыгивалъ маленькому господину на его дерзость пошлостью. Какъ слына была эта пошлостіа, можно было судить изъ того, что заослащенный худощавый человекъ грохнулся на мостовую, при чьей головой угодилъ обѣ тѣмъ и такъ остался. Подняла его полиція и свезла куда слѣдуетъ. Когда, за тѣмъ, вѣдували задержатъ господина, нанесшаго ударъ, уже было поздно. Некоторые изъ присутствовавшихъ при этой сценѣ лицъ, видѣвъ, какъ онъ поистинѣ съѣлъ на первомъ попавшемся парочника и съѣлъ его прѣстѣлъ. Въ то время не было въ полицеской газетѣ дневника приключеній и потому дальнѣйшая развѣлка дѣла осталась неизвѣстной, но слухъ пошелъ, что упавшій господинъ не всталъ болѣе, а такъ и перешелъ въ вѣчность.

Въ первомъ изъ описанныхъ мною случаевъ сами обматывающія женщины расправляются съ обматывающимъ, нанося ему удары по щекѣ; во второмъ—дѣла смертельную пошлостью обматывающій таинственный незнакомецъ; но есть и такіе случаи, гдѣ обматывающій дѣла пошлостью обматывающей лицъ женщинъ. Такой видъ новаго безобразія представлялъ намъ разбирательство на дѣлахъ въ петербургскомъ мировомъ съѣздѣ дѣла какого то Кара Луна, который, приставъ къ женщинѣ на Невскомъ проспектѣ, нанесъ ей ударъ по щекѣ за то, что она, защищаясь отъ его нападеній, толкнула его. Дѣла дошло до мирового суда, который приговорилъ обматывающаго къ вѣчному аресту, но вслѣдствіе выраженнаго имъ на такое рѣшеніе неодобренія, дѣла перенесено въ мировой съѣздъ. Здѣсь, въ защитительной своей рѣчи, Кара Луна доказывалъ, что на Невскомъ проспектѣ можно приставать ко всякой женщинѣ, поэтому онъ сдѣлалъ нападеніе съ полными сознательными законности своего поступка. И самую пошлостью онъ считалъ закономъ на томъ основаніи, что онъ страдалъ разстройствомъ нервъ. Еслибъ ж-га Н поддалась ему безъ всякаго сопротивленія, то дѣла обошлось бы совершенно благополучно; но она возмущалась сопротивлялась, при этомъ толкнула его довольно сильно,—пу, конечно, нервы Кара Луна пришли въ раздраженіе и онъ вынужденъ былъ дать ей сильную пошлостью. Мировой съѣздъ, усматривая присутствіе смѣлѣющаго вину обстоятельствъ, отыгивалъ рѣшеніе мирового суда и приговорилъ неравнаго пирата Невскаго проспекта къ трехлѣтнему аресту. Если еще много господъ, развѣлающихся взглядъ Кара Луна, а потому женщинамъ слѣдуетъ избѣгать Невскаго проспекта, какъ пути, подмѣнаемаго, но мнѣнію Карла Луны, особенному праву.

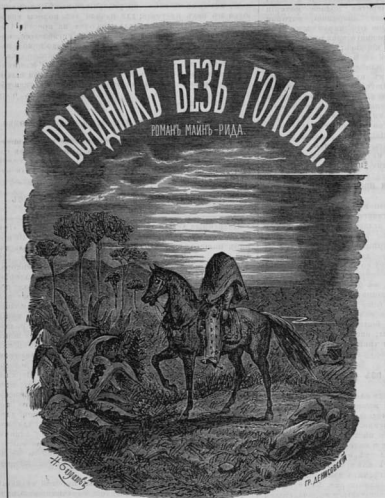

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ. DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключается въ себя 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цена Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя Германа Гоппе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16. (309).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВСАДНИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ.

РОМАНЪ ИЗЪ ТЕХАССКОЙ ПУСТЫНИ.
Капитана Майн-Рида.

въ 2-хъ частяхъ.

24 листа печати, въ 8 д. л. Цена 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. с.

Романъ этотъ—лучшее произведение извѣстнаго англійскаго писателя Майн-Рида; въ Англіи онъ былъ изданъ въ 8-ми изданіяхъ и всѣ изданія эти распроданы до послѣдняго экземпляра. Содержаніе «Всадникъ безъ головы» способно заинтересовать не только молодого человѣка, но и человѣка пожилыхъ лѣтъ. Благодаря своей богатой фантазіи, Майн-Ридъ наполнилъ страницы романа сценами, могущими привлечь вниманіе читателя.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ Контору издателя ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Ильина № 16. (310)

Хромофотографированный СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1871 г.,

на лучшей плотной бумагѣ. Цена 10 коп.; съ перес. 20 коп.

(Изданіе Германа Гоппе, на бол. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ). (311)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНІЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ Мануфактурной Выставки 1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ,

Альбомъ этотъ заключается въ себя

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лѣткахъ, представлявшихъ свои произведенія; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и пр. и пр.

А Л Б О М Ъ

МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНІЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣль имѣются экземпляры въ коленкоромъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ переплетомъ 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ переплетомъ 6 руб.

Требованія адресовать въ Контору Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» (Германа Гоппе), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ. (312)

ПО ПРОСЬБѢ МНОГИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ Я ЗАКАЗАЛЪ

РОСКОШНЫЯ

ПОКРЫШКИ ИЛИ ПЕРПЛЕТА

къ извѣстному изданію съ замѣчательными рисунками художника К. Брюка. Цена покровъ для переплета на каждую томъ: безъ переплета 1 р. 15 к.; съ переплетомъ 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эту книгу, могутъ заказать покровъ, переплетъ или переплетъ съ золотомъ, обратившись къ редакціи «Всѣмѣрной иллюстраціи» въ редакцію, которая со стороны заказавъ по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 4 томовъ „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“:

1869 г., т. е. томы I и II вѣстѣ, 12 р., съ переплетомъ 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ переплетомъ 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вѣстѣ—12 р., съ переплетомъ 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты—16 р., съ переплетомъ 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ «Всемирной Иллюстраціи» за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, имѣются уже также роскошные покровы для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Издатель «Всемирной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

(313)